

Жаровская А.Н. 2009: Нумизматические данные
о политической деятельности Марка Юния Брута //
Время. События. Этнос: Проблемы всемирной истории: сб. науч. тр. /
В.В. Дементьева, М.Е. Ерин (отв. ред.). Ярославль, 26-30.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
JAROSLAWL, RUSSLAND

yar.antik.center@gmail.com
<http://elar.uni Yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/10>

Ярославский
государственный
университет
им. П.Г. Демидова
Yaroslavl Demidov State University

Российская
Ассоциация
Антиковедов
Russian
Society of
Classical Studies

Научно-исследовательский и
образовательный Фонд
«Центр изучения
римского права»
Ярославский филиал
The Research and Educational Foundation
“The Centre for Roman Law Studies”
Yaroslavl branch

¹² *Staveley E. S. Op. cit. P. 143; Lintott A. Op. cit. P. 44.*¹³ *Staveley E. S. Op. cit. P. 144–145. См. Также: Finley M. Op. cit. P. 86.*¹⁴ Некоторые из них были, по-видимому, людьми выдающимися: так, Цицерон упоминал о глашатае Квинте Грании (*Cic. Brut. 160, 172*).¹⁵ *Staveley E. S. Op. cit. P. 150.*¹⁶ Первая половина V в. до н. э.: 150 700 тыс. (*Dionys. V. 75.3*); среди-на и вторая половина V в. до н. э.: более 111 тыс. (*Dionys. IX. 25.2*), 104 тыс. 714 граждан (*Liv. III. 3.9*), 117 тыс. 319 (*Liv. III. 24.10*); 330-е – 320-е гг. до н. э.: 250 тыс. чел. (*Liv. IX. 19.1*); 292 г. до н. э.: 262 тыс. 321 чел. (*Liv. X. 47.2*). О цензах более позднего времени см.: *Заборовский Я. Ю.* Римские цензы в период кризиса и падения римской Республики // *Вестник древней истории*, 1982. № 3. С. 50–60.¹⁷ *Staveley E. S. Op. cit. P. 163–164.*¹⁸ *Mouritsen H. Op. cit. P. 28–29, 113.*¹⁹ *Staveley E. S. Op. cit. P. 173; Mouritsen H. Op. cit. P. 90; Millar F. Op. cit. P. 17.* Эндрю Линтотт предположил, что на выборы приходило около 200 тыс. граждан: *Lintott A. Op. cit. P. 203.* Другие исследователи, как мы уже убедились, менее оптимистичны в своих подсчётах.²⁰ *Finley M. Op. cit. P. 86; Lintott A. Op. cit. P. 44; Mouritsen H. Op. cit. P. 31, 100–101.*²¹ *Ibid. P. 94–95.*²² *Ibid. P. 101.*²³ *Millar F. Op. cit. P. 17; Jacobson A. Petitio et Largitio: Popular Participation in the Centuriate Assembly of the Late Republic // Journal of Roman Studies 82, 1992. P. 44.*²⁴ *Lintott A. Op. cit. P. 204.*

А. Н. Жаровская

Нумизматические данные о политической деятельности Марка Юния Брута

Марк Юний Брут является одним из выдающихся общественных деятелей поздней Республики. Круг нарративных источников для характеристики образа этого политического лидера достаточно объемён и разнообразен. Ценным дополнением к нарративной традиции являются нумизматические источники. Брут занимался

чеканкой монет тогда, когда входил в коллегию *tresviri monetales*, и в период гражданской войны республиканцев и триумвиров. Интервал между его чеканками составлял немногим более десяти лет.

Cursus honoꝛum Брута строился в соответствии со ступенями и очередностью системы римских магистратур. У античных авторов нет четких сведений по данному периоду биографии. Однако исследователи реконструируют *cursus honoꝛum*, начиная с младших магистратур¹. Для нас наибольший интерес представляет то, что Брут, скорее всего, был одним из трех казначеев, а следовательно, руководил чеканкой монеты.

Информация монет Брута времен гражданской войны с триумвирами детально проанализирована в отечественной науке². Более ранние образцы монет этого политика не так привлекают внимание исследователей. Однако они важны для оценки взглядов молодого и амбициозного аристократа.

На обеих монетах чеканки Брута был изображен полулегендарный консул Луций Брут. Тит Ливий и Дионисий Галикарнасский писали об участии Луция Юния Брута в свержении правящей династии (*Liv.* I. 56–60; *Dionys.* IV. 66–85; V. 1–18). На одной из монет был представлен Сервилий Ахала³. Это легко объясняется тем, что Брут всегда гордился своим происхождением. Необходимо отметить, что некоторые современники Марка Брута сомневались в его кровном родстве с легендарным консулом Луцием Юнием Брутом, который, умертвив сыновей, не оставил потомков (*Plut.* Brut. 1; *Dionys.* V. 18). Нас в данном случае в первую очередь интересует то, какое влияние оказала на Марка Юния не подвергавшаяся им сомнению принадлежность к роду одного из основателей республики. Харриет Фловер справедливо замечает, что Марк Брут является наглядным примером того, насколько память о выдающихся предках и связанные с этим семейные установки влияли на *cursus honoꝛum* и политические пристрастия римского аристократа⁴.

Изображения на монетах не только напоминали о великих предках Брута (точнее, о тех, кого он сам считал своими предками). В середине 50-х гг. наметились тенденции к увеличению власти Помпея. К. Мейер трактует чеканки Брута как очевидную угрозу Помпею⁵. Примеры первого консула и Ахаллы должны

были напомнить о том, как относились к единоличной власти свободолюбивые предки. Чеканку монет в данном случае можно рассматривать как успешную политическую пропаганду. Брут мог использовать примеры предков с полным правом, напоминая о защитниках республиканской формы правления готовило общественное мнение к отрицанию амбициозных устремлений отдельных политиков. На этих монетах в символической форме содержался призыв римлян к свободе.

Спустя более десяти лет, в разгар гражданской войны между Брутом и Кассием, с одной стороны, и триумвирами – с другой, данный политик также занимался чеканкой монет. Идейное размежевание римского общества усугублялось настойчивой политической пропагандой. Лозунги республиканцев о восстановлении свободы в государстве, обращенные к традиционным римским ценностям, оказались весьма действенными⁶ Особо важное значение придавалось политической пропаганде в армейских кругах. Она, как правило, становится приоритетным направлением политической деятельности в период гражданских войн.

Политическая пропаганда республиканцев посредством выпуска монет с определенным содержанием была направлена, как нам представляется, не только и не столько на армейские круги, сколько на более широкие слои общества. В результате активной пропагандистской деятельности почти все римские граждане примкнули к одной из противоборствовавших сторон. Интерес для характеристики данного явления представляет работа Л. Моравески, который рассматривает монеты того времени как свидетельства усиленной политической пропаганды республиканцев и триумвиров и подвергает анализу содержание монетных легенд⁷

Во время сбора войск Брут предпринял чеканку монет, которые были действенным средством политической пропаганды. М. Г. Абрамзон условно объединил в одну группу монеты лидеров армий времен гражданских войн⁸ Критерием объединения выступает сходство содержания монетных легенд, отражавших актуальные проблемы политической программы. На денариях Брута была надпись «свобода» (*libertas*), сопровождаемая ее символами, шапкой свободы (фригийским колпаком) между двумя кинжалами⁹.

Данная символика появилась на монетах не случайно. После убийства Цезаря ситуация в сенате, а потом и во всем Риме вышла из-под контроля республиканцев. Марку Бруту и другим ярким ораторам не представлялось возможным прояснить свою позицию перед народом и объявить об убийстве тирана, обосновав свои действия с точки зрения защиты республиканских устоев. К тому же, покинуть сенат им надлежало не как убийцам, тайно и бесславно ускользающим с места расправы над жертвой, а как борцам за идеалы предков. Заговорщики, намотав свои плащи на левую руку (уподобив их щитам), с мечами, еще хранившими следы крови Цезаря, бежали по Риму с криками, что убили царя и тирана. Войлочная шляпа на копье символизировала свободу (*Plut. Brut. 18; Vell. II.58*).

На одной из монет данного периода изображение Марка Брута соседствует с изображением Сервилия Каски, который первым отважился нанести ранение Цезарю¹⁰ Брут также чеканил свое изображение подобно тому, как это делали Цезарь и триумвиры. На монетах стояли имена Брута и Кассия.

На наш взгляд, нумизматические источники ярко иллюстрируют стремление Брута подчеркнуть правильность своей политической линии со ссылкой на примеры его предков. Он апеллировал к заслугам представителей рода, чтобы заявить о себе как об убежденном борце с тиранией. Свой политический вес он приобрел путем создания у граждан представления о себе как о человеке, преданном республиканским ценностям.

Чтобы укрепиться на политическом Олимпе и претендовать на высшие магистратуры, Брут еще в довольно молодом возрасте занялся формированием образа политического лидера, неотъемлемым элементом которого было превознесение идеи республики. Более того, Брут подчеркивал, что неприязнь к единоличной власти перешла к нему как бы по наследству. Однако мы не разделяем взгляд А. Альфёльди на данного политика как на карьериста, личность непримечательную, безыдейную, сохранившую притворную романтическую тоску по Республике времен полулегендарных предков¹¹ Разумеется, образ Брута как лидера отчасти возник благодаря политическому расчету, направленному на то, что бы сделать фигуру данного общественного деятеля узнаваемой, отли-

чавшейся от других политиков-конкурентов. Но образ не был искусственным, он соответствовал внутренним убеждениям этого политика. По мнению окружения Брута, в том числе и его оппонентов, таких как Марк Антоний, это был искренний человек, старавшийся соответствовать *mores maiorum* во всех сферах жизни. К изображениям предков (действительных или мнимых) на монетах Брут обращался как к средству политической пропаганды, умело используя свое славное легендарное происхождение.

Таким образом, идентичность изображений на монетах, относящихся к началу и окончанию политического пути Брута, свидетельствуют о постоянстве его позиции; он еще в период младших магистратур заявил о себе как о приверженце республиканских идеалов. Марк Юний Брут придерживался этой политической линии на протяжении всего *cursus honorum*.

Примечания

¹ См.: *Dettenhofer M. H. Perdita Iuventutis: Zwischen den Generationen von Caesar und Augustus.* München, 1992. S. 103–105.

² См., например: *Абрамзон М. Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской Империи. М., 1995.

³ *Crawford M. H. Roman Republican Coinage: In 2 V.* Cambridge, 1974. V. 2. P. 455; *Morstein-Marx R. Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic.* Cambridge, 2004. P. 86, 90.

⁴ *Flower H. J. Ancestor Mask and Aristocratic Power in Roman Culture.* Oxford, 1996. P. 88.

⁵ *Meier Ch. Caesar.* Berlin, 1982. S. 356.

⁶ *Ахуев С. Н.* Политическая пропаганда времени второй гражданской войны в Риме (49 – 30 гг. до н. э.). Автореф. дис. канд. ист. наук. Саратов, 2001. С. 14.

⁷ *Moraweski L. Political Propaganda in the Coinage of the Late Roman Republic (44–43 BC).* Wrocław, 1983.

⁸ *Абрамзон М. Г.* Указ. соч. С. 115.

⁹ *Bleicken J. Augustus. Eine Biographie.* Berlin, 1998. S. 13.

¹⁰ *Vagi D. L. Coinage and History of the Roman Empire.* Cicago, 2000. P. 198.

¹¹ *Alföldi A. Caesar in 44 v. Chr. Bd.1: Studien zu Caesars Monarchie und ihren Wurzeln.* Bonn, 1985. S. 53.